

или неожиданным ударом грома.¹ Воистину, изложить подробно все похвалы живописи („иконному писанию“) было бы то же, что чашею исчерпать Атлантическое море, как говорится в пословице. Однако автор или авторы грамоты не хотят полениться и напоминают несколько христианских легенд.²

Так как искусство живописи („хитрость иконного писания“) такой честью превосходит другие искусства, как солнце превосходит планеты, как огонь — прочие стихии, а весна другие времена года, орел — всех птиц, и лев — всех зверей, то поэтому достойно и правильно почитать искуснейших живописцев особой честью и вознести их достойным почитанием, так как живописец („иконный писатель“) есть служитель церкви и повествователь всяких священных и мирских историй и дел, превосходящий писателя.³

Ни для кого не секрет, что Юлий Цезарь вдохновился на бранные труды, видя изображение торжества Александра Македонского, и что поэтому римские власти установили, чтобы никто не смел писать его изображение, кроме Ахиллеса, и никто не отливал бы статуи „сильного Александра“, кроме Лизиппа, как о том свидетельствует Гораций.⁴

„Образы“, т. е. изображения, — это некие ученые и неусыпные проповедники или ораторы, отчего обычно, особенно же Иоанном Дамаскиным, именуются книгами для неграмотных. Это, говорят, — книги, с первого же взгляда на которые „должайшая история“ изъясняется только несложными рисунками и красками — „малыми знаменами токмо и шары“, так что „писание“ это скоро и нагляднейшим образом доходит до нашего ума. Не погрешил Симонид, сказавший: „иконное писание“ (живопись) — это молчащая поэзия, поэзию же называл он говорящей живописью. Не разошелся с правдою и Платон, величайший мудрец, говоривший: созданное художником изображение воистину живет, однако в величии своем не говорит, но молчит.⁵

Потому подписавшие грамоту судили, что было бы прилично и справедливо, дабы в великом городе Москве, гнезде благочестия и почитательнице этого замечательного искусства — „сея преизрядные хитрости“, — занимающиеся „иконным писанием“, т. е. живописью, будут почитаемы и вознесутся „на место некое честного достоинства“, а не сочтутся за малопочитаемых и тем более за „малоценные и праздные чести люди“, ибо, как уже сказано, искусство живописи — „дело иконного писания“ — удивительно, славно и достойно царей. Честь, воздаваемая изображению, переносится на того, кто изображен; „честь образа к чести первообразного возносится“, говорит Василий Великий. Но так еще прежде него мудрец Стагерит ясно учил: это есть „движение ко образу и вещи образуемой“, что Афанасий объясняет подобием царского образа, говоря, что видящий изображение царя видит в нем самого царя, видящий царя узнает его по изображению.⁶

Честь, воздаваемая таким обычаем искуснейшим художникам, заботящимся о церковной красоте, возводится на творца неба и земли как на первого, украсившего звездное небо изображением зверей (т. е. знаками зодиака), покрывшего землю светлым одея-

¹ П. Пекарский. Материалы, табл. 322.

² Там же, табл. 322—323.

³ Там же, табл. 323.

⁴ Там же.

⁵ Там же, табл. 323—324.

⁶ Там же, табл. 324.